С помощью Бахтинского принципа «единства ответственности», который применительно к системе «природа — общество — техника» формулируется следующим образом: природа, общество, и техника не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности. И обретается это единство в «ответственной» деятельности ученых и инженеров по познанию природы и использованию ее законов при создании такой техники, которая не угрожала бы ни природе, ни человеку, ни обществу.

Проблема ответственности является одной из важнейших среди этических проблем, непосредственно связанных с техническим прогрессом. Но при этом возникает вопрос, является ли это новым направлением в традиционной этике или речь должна идти о формировании инженерной этики или техноэтики как одного из направлений или разделов философии техники?

Попытаемся ответить на этот вопрос.

Некоторые размышления по вопросу соотношения традиционных этических норм и новых моральных ситуаций приводят к выводу, что последние при определенных условиях могут быть деструктивными (разрушающими) по отношению к устоявшимся, традиционным ценностям. Например, какая-либо промышленная компания или корпорация в ряде случаев предпочитает иметь у себя в штате сотрудника или инженера, в моральном отношении, мягко говоря, не слишком безупречного, но прекрасного специалиста, чем специалиста невысокого профессионального уровня, пусть даже с высочайшим нравственным авторитетом. А это означает, что новые моральные ситуации в современном техногенном мире не позволяют «уложить» их в прокрустово ложе традиционных этических норм классической этики. И, следовательно, инженерная этика или техноэтика необходима. Но каков же в таком случае будет ее статус — новой науки или нового научного направления в рамках, например, философии техники?

Обратимся к опыту западных стран. Анализ их литературы показывает, что там существует инженерная этика.[54] Но что понимается там под инженерной этикой и каков ее статус?

---

[54] Иванов Б.И. К вопросу о статусе инженерной этики или техноэтики (на примере России)//Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Международный ежегодник. Вып. XVI, т. II. Материалы XIII сессии Международной школы социологии науки и техники / Под ред. профессора С.А.Кугеля. СПб: Изд-во СПб ГТУ, 2001. С. 29-34.

По мнению западных ученых, инженерная этика — это искусство большинства инженеров, активизирующее их деятельность и сдруживающее профессионалов. Ее отличие от общей этики состоит в том, что она призвана не только показать, как мыслящие инженеры представляют себе наилучший вариант практического достижения конечных целей и нравственных идеалов человеческой активности, но и сформулировать такие «каноны» или «этические коды», руководствуясь которыми инженер лучше продвигается в обществе, используя то место, где он служит.

Сформулированы три наиболее общих таких компонента:

1. инженер должен стараться увеличивать компетенцию и престиж технической профессии;

2. быть честным, справедливым и беспристрастным в вопросах технической политики;

3. использовать свои знания и мастерство для улучшения благосостояния общества.

Принципиальное значение при этом приобретает понятие инженерной среды, факторами формирования которой являются:

1. способ приобщения к данной профессии;

2. возможности профессиональной карьеры;

3. существование профессионального престижа;

4. наличие типичной для инженерно-технических работников профессиональной ориентации и особого содержания профессиональных функций;

5. работа профессиональных клубов, обществ и других форм объединения.

Предлагаемый западными специалистами подход к определению содержания инженерной этики указывает на родственность этой проблематики с проблематикой, анализируемой в философии техники, и, следовательно, инженерная этика является одним из направлений или разделов философии техники.

Николаева Г.Е.
(СПбГУ)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Механизмы «врастания» человечества в природу разнообразны и взаимосвязаны, они не сводятся просто к биологическим, техническим или социальным процессам. В своем взаимодействии они представляют собой сложное системное целое, где один «пласт», накладываясь на другой, видоизменяет своим давлением третий.

Современный этап развития общества характеризуется глубоким противоречием между успехами цивилизации и негативными воздействиями общества на окружающую среду. Научно-технический прогресс имеет двойственный характер. С одной стороны, он служит для удовлетворения растущих потребностей человечества в материальных и духовных благах. А с другой — рост потребления отрицательно воздействует на природу, разрушая и загрязняя естественные ландшафты, истощая почву, уничтожая фауну и флору.

В биологическом плане экологический кризис — это разрушение экологических систем, вымирание живых организмов: растений и животных, снижение производительности природы, а также усиление страданий и даже гибель людей. Непосредственной причиной этих процессов является загрязнение окружающей среды.

Научно-техническая причина кризиса заключается в том, что всякая технология современного производства, в той или иной мере, так или иначе вызывает загрязнение среды, а при современной интенсивности производства оно огромно.

Промышленное развитие является основой экономического развития, а, следовательно, и подъема социально-экономического уровня жизни общества. Однако промышленное развитие во всем мире шло и продолжает идти без должного учета исчерпаемости многих видов невозобновимых ресурсов и понимания того обстоятельства, что восстановительные способности живой природы не беспредельны.

Экологические проблемы в той или иной мере всегда сопутствовали становлению и развитию цивилизации. Но то, что было в прошлом, не идет ни в какое сравнение с противоречиями, возникающими при взаимодействии общества и природы в современную эпоху. Неограниченное использование природных ресурсов и свободное удаление отходов в окружающую среду привело к тому, что во многих

странах практически не осталось экосистем (комплексов, в которых между биотическими и абиотическими компонентами происходит обмен веществом, энергией, информацией), способных в полной мере выполнять свои средообразующие функции. Загрязнение среды разрушает природу, культурные и исторические ценности, угрожает здоровью людей.

Погоня за прибылью, конкуренция, ориентация на технику и технологию, обеспечивающие наивысшие прибыли, породили прогрессирующее противоречие между как будто возросшей властью человеческого общества над природой и все большим несоответствием его технического базиса экологическим требованиям, т.е. неспособностью в должной мере предотвращать и противостоять «ответным реакциям» среды обитания, вплоть до экологических бедствий. Это противоречие приняло форму глобального кризиса.

Современная цивилизация — техногенная цивилизация, в том смысле, что важнейшим ее признаком является ускоренный технико-технологический прогресс. Техногенная цивилизация является довольно поздним продуктом человеческой истории. Ее предпосылками были культура античного полиса и христианская культура европейского средневековья. Синтез их достижений в эпоху Ренессанса сформулировал культурные предпосылки на базе которых XVII веке начался разбег техногенной цивилизации. Научно-технические революции делают ее чрезвычайно динамичным обществом, вызывая, часто на протяжении жизни одного-двух поколений, радикальное изменение основных социальных связей и форм человеческого общения.

Как традиционный, так и техногенный тип цивилизационного развития характеризуется соответствующей системой фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров. Они образуют нечто вроде генома культуры, обеспечивающего воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. Изменение этих ценностей является обязательной предпосылкой для смены типа цивилизационного прогресса.

Доминантой в культуре техногенной цивилизации является идея деятельно-активного отношения человека к миру. Активность человека понимается прежде всего как направленная вовне на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь природы, которую человек должен подчинить своей власти. Внешний мир рассматривается как арена деятельности человека, как если бы мир и был предназначен для того, чтобы человек получал необходимые для себя блага, удовлетворял бы свои потребности.

В техногенной цивилизации преобразующая деятельность расценивается как процесс, обеспечивающий власть человека над предметом, господство над внешними обстоятельствами, которые человек призван подчинить себе. Изменяя путем приложения освоенных сил не только природную, но и социальную среду, человек реализует свое предназначение творца, преобразователя мира.

Современная техника сегодня способна действовать на очень дальние расстояния, а вот обслуживающие ее люди так и не научились распространять традиционную любовь к ближним до любви к дальним.

Полное прекращение техники и индустриализации, технического и экономического прогресса было бы таким же фатальным, как и ничем не ограниченная, все более «самопорождающаяся» сверхтехнизация, захлестывающая сама себя технико-индустриальная динамика. Человеку крайне необходимо больше ответственности, мудрости, разумной меры в обращении с техникой, окружающей средой, землей, жизнью, природой и обществом. Сегодня сила обязывает так же, как и знание.

Не может быть сомнения в том, что экологический застой, если бы он наступил, тоже привел бы к катастрофе со снабжением, к голоду в перенаселенных регионах мира. От техники можно отречься вообще только ценой неизбежной катастрофы.

Вступление человека в супертехнический век, в полосу глобального демографического взрыва не оставляет более открытой дороги «назад к природе». Как чрезмерное увлечение техникой, так и отказ от нее несостоятельны. Мудрость лежит в соблюдении меры, в ориентации на средний путь, в соблюдении мудрого правила «ничего сверх меры!», о чем знали еще античные мудрецы задолго до всемирной «технической революции». Соблюдению меры, мудрому обращению с техникой мы должны учиться, и это необходимо распространять в обществе, в его сознании. Разум и разумная мера во всем приобретают сегодня характер неотложности выживания. При этом подразумевается моральный разум, а не голая техническая рациональность.

Виновником экологического кризиса является именно человек, т.к. никакому иному биологическому виду не удалось до сих пор уничтожить столь большое число других видов, необратимо изменить экологическую ситуацию на нашей планете. Следовательно, ответственность за хищническое использование природы необходимо возложить на то специфическое преимущество человека, каковым и является присущая именно ему форма рациональности.

В.Хесле считает: «Человек одновременно являющийся как субъектом, так и объектом экологического кризиса, по-видимому отрекся от идеала мудрости, ибо мудрость стремиться к гармонии, но не к разрушению».[55]

На нынешнем этапе своей истории человечество должно научиться предвидеть надвигающиеся кризисы и изменением своего образа жизни, своих потребностей и характера активной жизнедеятельности создавать новую экологическую нишу. Это в современных условиях означает смену самого способа эволюционного развития.

Выработка новых стратегий экологического выживания предполагает не только выдвижение идеалов, нового отношения человека к природе, но и анализ возможных технологий их реализации, выявление тех естественных «точек роста», которые возникают в самом развитии техногенной цивилизации и связаны с трансформацией ее глубинных ценностей.

Елькина Е.Е.
(СПбГЭТУ)

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОТ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭТИКИ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

Стремительное развитие науки и техники в XX веке коренным образом изменило все сферы жизнедеятельности современного общества. Глобальный характер негативных последствий, порожденных научно-техническим прогрессом, привел научное сообщество к осознанию границ технического преобразования мира и необходимости переосмысления проблемы ответственности как комплексной.

История исследования проблемы ответственности своими корнями уходит в XVIII век, где ответственность рассматривалась как публичная подотчетность, регламентация действий власти в отношении своих подданных. В XIX веке проблема ответственности проистекала из философского романтизма как критической оценки научной эпистемологии и индустриальной практики.

С середины XX века обсуждение проблемы социальной ответственности было вызвано потребностью самих ученых, занимавшихся

[55] Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993. С 41.

ядерными исследованиями, ознакомить общественность с возможными негативными последствиями использования ядерной техники. С 70-х годов в связи с комплексным характером проблем, порожденных научно-техническим развитием (загрязнение окружающей среды, кризис перепроизводства, угроза ядерной войны и др.) понятие ответственности исследуется с позиций многофакторного анализа с целью выработки стратегии управления научно-техническим прогрессом. Программа включает в себя ряд положений: 1) рационализацию социального устройства в планетарных масштабах; 2) углубление научно-гуманитарных исследований с учетом сложности мира как целого; 3) оценку новых изобретений и технологий с целью постановки прогресса на службу интенсивному повышению уровня жизни, гуманизации труда; 4) переориентацию в использовании энергий и др.

Вопрос сейчас состоит, во-первых, в том, кто должен и кто в состоянии принять такую стратегию и, во-вторых, каким образом ее реализовать во всех мелких технических решениях. В принципе, экспертным советам в большинстве стран мира понятно, как должна выглядеть стратегия технического развития. Не вполне ясными остаются пути и темпы изменения сегодняшней технической политики, а также критерии оценки этих изменений. Большие разногласия существуют в вопросе о том, какие меры должны принимать отдельные страны. Несмотря на то, что все согласны с целями международной политики по охране окружающей среды, собственные экономические интересы отдельных государств препятствуют ее реализации. Примером эффективного международного сотрудничества является контроль за нераспространением ядерных технологий.

Эффективное управление политикой технических изменений требует разделения задач и видов ответственности. Ф.Коллинз, рассматривая проблему ответственности в инженерной деятельности в работе «Специальная ответственность инженеров», выделяет три вида ответственности. Трехуровневая структура ответственности включает в себя: индивидуальную ответственность инженеров в сфере повседневной практики, коллективную ответственность специалистов в соответствующих областях применения технологий, гражданский контроль за внедряемыми технологиями в виде публичных обсуждений их возможных деструктивных последствий.

Наиболее разработанными в настоящее время являются положения инженерной этики. Комиссия Союза немецких инженеров выделяет восемь ценностных критериев, предъявляемых техническим изобретениям: способность функционирования, экономичность, бла-

госостояние, здоровье, безопасность, качество окружающей среды, качество общества, развитие личности.[56] В иерархической структуре ценностных критериев техники могут происходить незначительные изменения, но в целом задача оценки техники состоит в установлении в качестве основы общественно признанных решений.

Х.Ленк и К.Митчем особое внимание уделяют вопросам инженерной этики в связи с проблемами контроля за развитием информационных и биотехнологий, ядерной техники. Ленк считает, что в виду динамического характера развития техники моральная ответственность должна всякий раз создаваться заново как моральная ответственность личного и сверхличного типа.[57] Он выделяет восемь основных областей, требующих учета новых точек зрения относительно этики. Среди них: оценка технологий, вызывающих необратимые экологические изменения, ответственность в отношении нерожденной жизни, в связи с манипуляцией человеком в сфере медицинских технологий, ответственность в связи с использованием генной инженерии, массового внушения, оценка информационных технологий, применяемых в частной жизни человека в компьютеризированном обществе и др. Сегодня компьютерные системы принимают решение об ответных ядерных ударах. В различных информационных системах использован значительный объем личных данных большого числа граждан, причем эта тенденция усиливается в связи с проблемами борьбы с терроризмом и др. Философам и ученым еще предстоит определить границы компьютеризации общества с учетом изменения системы ценностей в связи с внедрением новых информационных технологий.

Х.Йонас рассматривает понятие «ответственности» как производное от «власти» и «знания», связывая необходимость нового понимания прав и обязанностей человека-техника в связи с глобальной технизацией жизни. Чем больший отклик обсуждение этой проблемы находит в обществе, тем яснее осознается опасность технического развития, управляемого преимущественно экономическими интересами. Никогда прежде человек не имел такой технической власти. В связи с широким распространением компьютерных технологий информация становится сегодня символом власти. Знания не только усиливают власть, но также повышают ответственность.

---

[56] См.: Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности // Философия техники в ФРГ / Пер. с нем., англ. М: Прогресс, 1989. С.412.

[57] Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Там же. С.387.

Ф.Рапп рассматривает проблему ответственности в связи с управлением технологическим развитием не только как нормативную, но и как мировоззренческую, связанную с осознанием границ технологического воздействия на мир. Х.Люббе полагает, что двойственное влияние НТП на современную цивилизацию связано с кризисом управления; ответственное отношение к технике предполагает развитие «цивилизационной чувствительности», концептуальное осмысление данной проблемы на уровне теории и идеологии.

Глобальные проблемы, порожденные научно-техническим развитием, носят системный характер. В XX столетии человеческая техническая деятельность, несмотря на определенные меры гражданского контроля, привела к значительному сокращению ресурсов планеты, к исчезновению многих видов растений и животных, к разрушениям биосферы. Недостаточность ресурсов в совокупности с ростом населения в слаборазвитых странах явилась причиной экономических, политических конфликтов, этнического насилия и т.п. Концептуальное рассмотрение проблемы ответственности требует ее постановки в более широкий теоретический и социально-культурологический контекст. Эта задача предполагает, прежде всего, переосмысление мировоззренческих установок современной цивилизации в духе экологического мышления с учетом перспективных направлений научных исследований в области синергетики, космологии, теории информации, молекулярной биологии, трансперсональной психологии и др. Новое концептуальное понимание проблемы ответственности может быть получено из осмысления роли «знания» и «власти», формирующих ответственность общества за результаты научно-технического преобразования мира, на основе междисциплинарного экологического подхода.

Вопросы экологической этики впервые были поставлены А.Швейцером в 1923 году. Высшим требованием экологической этики он считал сохранение и защиту всех видов жизни, за исключением необходимого убийства бактерий или животных с целью выживания человека. Основы экологического движения заложил норвежский философ А.Наэсс в начале 70-х годов XX века. Он разделил экологию на поверхностную (ориентированную на человека и рассматривающую природу как объект человеческих преобразований, в качестве потребительской ценности), и глубинную, воспринимающую мир и человечество как сеть взаимосвязанных феноменов, как особую «паутину жизни» Суть глубокого экологического мышления — в осознании многообразных связей человеческого сообщества с природной и космической жизнью. Оно позволяет по-новому взглянуть на непрерывность уровней организации жизни. Его ос-

новными принципами являются: коэволюция с природой; отказ от доминирования человека в природной среде; формирование нового экологического сознания и применение его принципов во всех сферах жизнедеятельности человека.

Принципы социальной экологии представляют основу для экологического образа жизни и деятельности по защите окружающей среды, отказ от «доминаторной» системы социальной организации, формирование новой системы ценностей. Власть как господство является экстремальной формой самоутверждения в современных иерархических системах: политической, военной, корпоративной. Идеальной социальной структурой сторонники социальной экологии считают сеть, в которой проявляется иная форма власти как способность влиять на других. Реализация сетевого принципа в организации социальных институтов будет способствовать взаимозависимому характеру ответственности всех членов сети в процессе деятельности и за ее результаты

В вопросе о формировании новой системы ценностей сторонники экологического движения ратуют за отказ от антропоцентрических ценностей в пользу «экоцентрических». Когда система экологических представлений укореняется в повседневном сознании, утверждаются новые этические принципы. В контексте глубокой экологии утверждается, что ценности присущи всей живой природе. Взаимосвязи индивида и природы обнаруживаются в духовном опыте, связанном с расширением сознания, и составляют основу глубинной экологии. Между экологическим восприятием мира и поведением существует психологическая, а не логическая связь. Ее исследование представлено в работах по трансперсональной психологии С.Грофа, Р.Монро и др. Философ Д.Уорвик ввел термин «трансперсональная экология», историк культуры Т.Розак использует понятие «экопсихологии».

Как показывают исследования Матураны и Варелы, Л.Маргулис и Д.Сагана в молекулярной биологии, все живые системы можно рассматривать как сети в многослойной структуре живых сетей, вложенных в другие живые сети. Организмы представляют собой совокупность автономных, но взаимосвязанных клеток, популяции — сети организмов, принадлежащих отдельным видам, экосистемы — сети одноклеточных и многоклеточных организмов, принадлежащих различным видам — своеобразные «паутины жизни».[58] Теория автопоэ-

---

[58] Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Киев: София, 2002. С.228.

за, как и теория диссипативных структур И.Пригожина, рассматривает творчество — создание новых конфигураций — ключевым свойством живых систем. Работы Л.Маргулис в области микробиологии и Д.Лавлока в теории эволюции установили, что эволюция живых организмов тесно взаимосвязана с эволюцией окружающей среды, единство конкуренции и кооперации представляют единый коэволюционный процесс. Исследования микробиологией механизмов передачи генетической информации бактериями (рекомбинации ДНК) показали сходство с аналогом передачи информации в глобальной коммуникационной сети. Результаты данных исследований, учитывающие экологические связи и законы, необходимо учитывать в новой экологической модели развития новых технологий.

Черты нового экологического мировоззрения проявляются как в естественных, так и в гуманитарных науках. В последние десятилетия сетевой принцип используется для описания явлений, исследуемых в экологии, биологии, психологии (где он кажется более оправданным для описания экосистем и природы жизни), а также в экономике, компьютерных технологиях и др. В области социальных наук задача стоит в разработке принципов устойчивого развития. Принцип устойчивости является ключевым в концепции экологического движения. Один из разработчиков концепции устойчивого развития общества Л.Браун, сотрудник института всемирных наблюдений, определяет его как общество, удовлетворяющее свои потребности без ущемления перспектив последующих поколений.

Гуманитарная направленность исследований проблемы ответственности Х.Йонаса, М.Бунге, Х.Сколимовски и других подтверждает, что решение этических, а не технических проблем определяет будущее человечества. Оценка технического развития, его полезность для отдельного человека и человечества в целом, зависит в основном от существующей системы ценностей в обществе. Ее изменение происходит медленно. В прошлые эпохи гуманитарное знание являлось решающим фактором формирования системы общественных ценностей. В XX веке определенным приоритетом пользовались естественные и технические науки. В настоящее время расширяется процесс гуманитаризации образования. Выдающиеся открытия, как считают сами ученые, в XXI веке ожидаются в гуманитарных науках, медицине, психологии в связи с изучением человека. Таким образом, проблема ответственности должна быть переосмыслена в контексте экологического мировоззрения.

Хрусталева Г.В.
(СПбГУ)

ПРОБЛЕМА ОШИБКИ И НАДЕЖНОСТЬ ТЕХНИКИ

Проблемность ошибки заключается уже в определении её сущности, потому что в философской литературе, как правило, ошибка либо отождествляется с заблуждением, либо их разграничение осуществляется по второстепенным признакам. Это приводит к размытости категориального содержания, как заблуждения, так и ошибки.

Между тем, согласно классификации Д.Мейстера, ошибка имеет место в том случае, если происходит:

1) невыполнение требуемого действия;
2) выполнение нетребуемого действия;
3) выполнение требуемого действия, но не в нужной последовательности;
4) неправильное выполнение требуемого действия.

Ключевым словом в данной классификации является слово «действие», так как во всех вышеперечисленных проявлениях ошибки её характеризует то или иное действие.

Кроме этого, в случае ошибки предполагается наличие эталона, позволяющего сравнивать выполняемые действия с некоторой нормой. Что же касается заблуждения, то оно, во-первых, является формой знания, а не действия, во-вторых, оно связано с возникновением нового знания, ещё не ставшего нормой.

Проблемность ошибки также детерминирована множеством факторов, учесть которые в принципе невозможно.

Прежде всего это обусловлено развитием техники, её усложнением. Приводящем к парадоксу надёжности: чем сложнее техника, тем менее она надёжна, тем более вероятна ошибка оператора.

В свою очередь, надёжность техники зависит от человека. Проектирующего, изготавливающего и управляющего техническими системами. По мнению Никифорова Г.С., ошибка — это наиболее характерная форма проявления ненадёжности человека, содержание которой составляют нарушения (неправильные действия) в выполнении предписанного оператору алгоритма деятельности.

Таким образом, проблема ошибки имплицитно содержит в себе два вектора надёжности: человека и машины.

Отказ техники переводит работу оператора в вероятностный режим. Который заставляет его принимать решения в экстремальной

ситуации. В условиях дефицита времени и информации. Результат во многом будет зависеть от типа нервной системы оператора, образования, опыта работы, его эвристических способностей, а также его моральных качеств, дисциплинированности и ответственности. Будет играть роль и характер взаимодействия между партнёрами: опосредованного (через документацию) и непосредственного (через общение). Поэтому качественный профессиональный отбор и подготовка кадров должны вестись с учётом физиологических, психологических, в том числе достижений инженерной психологии и эргономики, а также гносеологических и социальных факторов.

К негативным последствиям в работе могут привести крайние формы уверенности в себе: излишняя самоуверенность и чрезмерная неуверенность. Но если самоуверенность основана на неадекватно завышенных притязаниях личности, то чрезмерная неуверенность – напротив, на неадекватно заниженной самооценке личности.

Человек, управляющий сложными техническими системами, постоянно находится в режиме приёма и переработки информации. При информационной перегрузке возникает стрессовая ситуация, подключающая ряд компенсаторных механизмов.

Дж.Миллер выделяет следующие из них:

1. пропуск информации;
2. ошибочный ответ;
3. отсрочка ответа;
4. фильтрация информации;
5. обобщённый ответ;
6. приблизительные ответы;
7. отключение от источника информации.

Приёмы 1,2,3 и 6 ведут к возможности отказа системы, так как переводят её в вероятностный режим управления.

При приёме информации могут появиться ошибки, связанные с пониманием речи, поэтому устное или письменные сообщения не должны содержать формально-логических ошибок, ведущих к ошибкам в действии.

Эффективность, точность и качество понимания речи приходится учитывать инженерам при составлении различного рода инструкций, разработке технологических процессов, психологам – при составлении тестов испытуемым, служебным ведомствам – при составлении служебных инструкций и т.п.

На динамику ошибок оказывает влияние и характер общения между людьми. Особенно, если они длительное время находятся в

условиях сенсорной изоляции. В таком положении оказываются космонавты, моряки, геологи и др.

Специально проведённые исследования показали, что в этих условиях человек также прибегает к различным способам компенсации. В этом случае положительный эффект оказывает подбор группы с точки зрения психологической совместимости людей.

Процессу минимизации ошибок способствует выявление причин ошибок, которое может быть затруднено многоуровневостью их. Ошибки одного уровня накладываются на ошибки другого. Как известно, возможность ошибок содержится на всех этапах функционирования системы «человек-машина» от проектирования до эксплуатации. Время возникновения ошибки и время её обнаружения часто не совпадает.

Особенности протекания психических процессов необходимо учитывать уже на стадии проектирования средств индикации, механизма управления и информационных панелей.

Практический опыт показывает, что чем дальше от доски конструктора обнаруживается ошибка, тем дороже она обходится.

Определение причин ошибок затрагивает различные аспекты жизнедеятельности человека, в том числе правовой и этический. Ошибка связана с проблемой надёжности, которая напрямую связана с правом человека на жизнь, безопасность и здоровье. Уже Н.А.-Бердяев, отмечая космогоническое значение техники, говорил, что уже одна истребительная техника войны грозит почти космической катастрофой.

Появление ГТС (глобальных технических систем) положило начало новому этапу технизации мира, неизмеримо возросли сложность, эффективность и количество применяемых людьми технических устройств и технологических процессов. С этого времени воздействие техники на социальные и природные процессы стало необратимым и существенным не только для безопасности отдельных социальных 8 групп, регионов ли государств. Но и мирового сообщества, а также всей биосферы как среды обитания человека на Земле.

Это означает. Что цена ошибки неизмеримо возросла. Это обстоятельство на первый план выдвигает проблему ответственности инженера за результаты своего труда, поскольку его роль на всех этапах функционирования СЧМ возрастает. Карл Митчем, касаясь этой стороны вопроса, разводит понятия «человек пользы» и «ответственный индивид». В ряде случаев ценностные аспекты инженерной деятельности начинают превалировать над прагматическими. Человек

пользы или дела знает, какое именно действие надо совершить. Чтобы максимально, пусть на короткое время увеличить объём производства. В отличие от этого типа людей, ответственный индивид старается учесть все обстоятельства, что предполагает учесть все обстоятельства. Чаще всего это приводит к снижению эффективности производства. Но, с другой стороны, разработка концепции ответственности сама может быть стимулятором технического развития.

Проблема ответственности вытекает из проблемы свободы выбора. Она не может быть реализована без создания целой системы гарантий для инженера, который осмелиться сделать выбор, затрагивающий коренные интересы работодателя, ограничивающий его прибыль.

Очень показателен в этом отношении пример с Челленджером. Чрезвычайно выгодным делом было строительство огромной ракеты за две тысячи миль, а затем — транспортировка её по частям в Центр космических полётов. Подобный технологический процесс строительства был настолько эффективнее строительства на стартовой площадке, что за счёт снижения сметной стоимости работ данному проекту удалось победить в конкурентной борьбе. Контракт на строительство Шатла принёс автору проекта более 150 миллионов долларов прибыли. Части ракеты скрепляли герметизационные кольца. Данные предыдущих полётов говорили о том, что кольца во время полёта подвержены эрозии, наиболее слабым местом в этом отношении были участки, подвергшиеся наибольшему охлаждению.

Экспериментальные данные были фрагментарны и внушали тревогу. Эрозия усиливалась по мере того, как кольца теряли упругость, которая уменьшалась вместе с температурой. При определённой температуре кольца могли утратить свою упругость настолько, что не смогли бы выполнять функцию герметизации. В этом случае кольцо выходило из строя, что могло привести Шатл к взрыву Совещание инженеров было против запуска, однако меркантильные интересы победили и Шатл взорвался. Причина взрыва: отказ герметизационных колец. Власть денег в данном случае победила силу разума.

Мижевич О.М.
(Белоруссия)

О МИФОТВОРЧЕСТВЕ И ТЕХНИКЕ

Техника является одним из древнейших видов человеческой деятельности. Неизвестно, когда было создано первое орудие труда. Но всегда техника была, есть и будет основой мифотворчества. Примером феномена такого мифотворчества может служить понятие «искусственный интеллект». В этом понятии присутствует момент неистинности и видимости.

Существует огромное количество определений интеллекта. Одно из самых известных дано в большом словаре Уэбстера: «Интеллект это: а) способность понимать или обучаться на опыте; способность приобретать и сохранять знания; умственные способности; б) способность быстро и правильно реагировать на новую ситуацию, умение рассуждать при решении проблем, выбора образа действия и т.д.; в) в психологии — мера успешности в пользовании названными способностями при выполнении конкретной задачи».[59] Но даже из этого определения видно, что до сих пор статус интеллекта не определен. Особенно это становится очевидным при соотнесении интеллекта с традиционным понятием «рассудок» (Г.Гегель, К.Маркс).

Все исследователи сходятся в одном, что главной чертой человеческого интеллекта является творческая, причем свободная творческая деятельность. Кроме того, умственная деятельность не только предметна, но и всегда социальна. И, несмотря на то, что акты творческого мышления издавна привлекали внимание ученых, увы, они до сих пор остаются таинственными и трудными для исследования. Таким образом, учитывая наши скромные познания в механизме мыслительной, творческой деятельности, то становится понятной неправомерность использования понятия «искусственный интеллект», который, по сути, является метафорой. Метафорами являются и ряд терминов, которыми изобилует литература по информатике и вычислительной технике — «поведение», «цель», «общение» и т.д. Современные вычислительные машины в состоянии имитировать лишь незначительную часть одного из компонентов умственных способностей человека, а именно — логико-математических способностей.

---

[59] Смирнов И.Н. Социально-философские проблемы информатики.// Вопросы философии. №10. 1986. С.96.

В настоящее время в зависимости от контекста интеллект понимается как психическая реальность (феноменальная), как метапсихическая реальность, как социальная (знаковая) реальность, как космическая реальность (ноосфера), как техническая (искусственная) реальность. Причем в последней, технической реальности, наблюдается тенденция замены неопределенного понятия «интеллект» понятием «когнитивный процесс».

Откуда же такое постоянное стремление человека очеловечить все, что его окружает? Если говорить о науке, то в антропологии древних греков и метафизике, как она была развита христианской схоластической философией.

Аристотель и схоластическая философия считают, что каждый человек является деятельным существом, которое стремится к совершенству. Но как источник деятельности человек стеснен и ограничен в своей деятельности конечностью собственного существования. Таким образом, человек, как и все человечество не достигли еще совершенства, человеческая природа требует завершения и расширения. В дальнейшем, эти идеи развили Г.Гегель и К.Маркс. В результате сложилось антропологическое направление в философии техники. Отцом-основателем этого направления по сути дела стал немецкий философ Эрнест Капп, который опубликовал в 1877 году свою книгу «Основания философии техники».

Эрнест Капп полагал, что техника представляет собой естественную часть человека, продолжение его биологических органов, «органопроекцию», которая помогает человечеству в созидательной деятельности. Свою книгу Капп заканчивает свою книгу фразой: «Из орудий и машин, которые мы сделали, из букв, которые мы открыли, явится сам человек».[60]

Можно с уверенностью сказать, что понятие «искусственный интеллект» — это еще один вариант антропологической интерпретации техники. На данный момент, вид техники, который мы традиционно привыкли называть искусственным интеллектом, не обладает ни общественной, ни человеческой сущностью, а только чем-то производным, одной из форм организации человеческого труда.

Никто не сомневается в том, что возможности человеческого мышления и, следовательно, научно-технического прогресса не ограничены. Но для того, чтобы действительно смоделировать человеческое мышление, необходимо сначала основательно в нем разобраться.

---

[60] Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 394.

Это процесс, скорее всего бесконечный, так как умственные способности человека развиваются и совершенствуются. Следовательно, модель любой из человеческих способностей будет проигрывать по сравнению с оригиналом.

Савельева Д.Н.
(СПбФ ИИЕТ РАН)

РОЛЬ ТЕХНИКИ В КУЛЬТУРЕ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

На современном этапе отдается предпочтение освещению проблем связанных с конкретным функционированием техники в различных сферах культуры: в экономике, политике, в быту, на войне и т. д. Некоторые современные философы считают, что в определении техники нужно исходить из конкретного разнообразия имеющейся техники и особенностей ее функционирования, а эссенциальный подход слишком ее обобщает, так что теряется специфика предмета исследования. Другие полагают, что поиск основания целостного понимания техники возможен только, если все различия проводятся «в пространстве какого-то общего смысла, которым мы оперируем и который пытаемся проблематизировать».[61]

Теория культурного, а вместе с тем, и технического прогресса, которая, по существу, основывалась на представлении о постепенном улучшении орудий труда, оказала огромное влияние на философию техники. Однако, даже поверхностный взгляд на конкретные сюжеты из мировой истории обнаруживает, что между уровнем развития конкретной культуры и степенью совершенства используемой в ней орудийной техники нет прямой зависимости. Часто отсталые в культурном отношении племена использовали в изготовлении оружия и военного снаряжения более совершенный материал, чем их более просвещенные соседи. Например, известно, что Древний Египет не знал железа, а боевые топоры и орудия труда изготовлялись из меди. Тем не менее, египтяне со своим медным оружием успешно противостояли натиску хеттов, – уникального народа, у которого обработка металлов появилась значительно раньше обработки глины, имевшего пре-

[61] Воронин А. А. Техника как коммуникационная стратегия. Вопросы философии, 1997. №5. С.96.

восходную военную конницу (они жили на территории Малой Азии с XVIII – XII вв. до Р.Х.).. Однако использование передового по тем временам оружия не уберегло хеттов от разгрома — их государство просуществовало всего пять веков.

Одним словом, если несколько отвлечься от «всеобъемлющего» охвата исторического полотна и обратиться к истории конкретных культур, то станет ясно, насколько это сложная задача — выяснить адекватную роль техники в истории.

«Техника — это производство избыточного и ныне, и в эпоху палеолита... В конечном счете сам человек, техника и благосостояние – синонимы».[62] Однако нет однозначного понимания слова благосостояние, для одних это одно, для других — другое. Облик благополучия менялся много раз, а вместе с ним и техника — средство его достижения, поэтому теория прогресса ошибочна, считает Х.Ортега-и-Гассет, так как исходит из постоянства, самотождественности жизненных стремлений во все времена. Достаточно чтобы чуть-чуть изменилась идея жизни, ради которой человек делает все, как традиционная техника рухнет, развалится и примет другое направление... И если сейчас техника зиждется на точности и строгости науки, то это и значит всего-навсего, что она опирается на большее число условий и предпосылок по сравнению с ранее существовавшими ее типами, которые в конечном счете были более независимы и спонтанны.[63]

Еще О.Шпенглер, в противовес многим первым работам по философии техники, в которых утверждалась общечеловеческая значимость технических достижений, заметил, что современная техника является достижением исключительно европейской культуры, она является продолжением ее фаустовского духа.

Современный канадский философ Дж.Грант замечает, что представления о справедливости, действующие в современных политических философиях, созданы той же самой концепцией разума, которой созданы и технологии, один и тот же западный рационализм породил и современное естествознание, и современную политическую философию.[64]

---

[62] Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. №10. С.39.

[63] Там же, С.41.

[64] Грант Дж.П. Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986, С.159.

Грант считает, что «дело обстоит далеко не так, будто компьютеры стоят перед нами в виде нейтральных орудий и в их применении мы руководствуемся нормами справедливости, добытыми где-то вне области существования самих компьютеров. Эти орудия и эти нормы справедливости связаны между собою, будучи порождениями одной и той же «судьбы» современного разума».[65] Однако, нужно заметить, что нормы справедливости в любом обществе менее подвержены изменениям, чем современная техника, и они несколько старше, чем компьютеры. Точнее было бы выразиться так, что нормы справедливости, которые привели к возникновению современной техники, в том числе и компьютеров, не будут препятствием в ее использовании.

Грант высказывается категорически против того, чтобы современную технику называть просто «техникой» и вообще считать, что она как-то сопоставима с греческим techne и ничем существенным не отличается от понятий прежних культур: мы всего лишь повысили эффективность нашей производящей деятельности. Само появление неологизма «технология» говорит нам о том, что сама наука стала прикладной, чего никогда ранее не бывало. И главной причиной произошедшего Грант считает волю европейского человека. Он настаивает на том, что волевой импульс европейского человека уникален и не имеет аналогов в других, более ранних культурах, и что именно он повинен в создании современной техники. То что в других культурах не была создана техника, похожая на нашу, не является признаком их неразвитости и отсутствием «надежного научного пути», а только свидетельством того, что у них не было воли к господству над природой. Таким заявлением Грант пытается еще более оттенить уникальность современной культуры, а вместе с тем и небывалую сложность ее осмысления.[66]

«Технология, — пишет Грант, — не столько машины и инструменты, сколько то представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего».[67] Он подтверждает этот тезис на примере компьютеров, которые, — оставляя нравственный выбор их применения за человеком, — тем не менее требуют для нормального функционирования некоторых условий, не существовавших ранее.

---

[65] Там же.

[66] Там же. С.153.

[67] Там же. С.155.

Прежде всего, это — «унификация жизни». Затем — наличие в стране крупных корпораций.[68] Способы применения компьютеров ограничены этими условиями и в этом смысле они не нейтральные орудия, но такие, которые исключают некоторые формы сообществ и поощряют другие их формы. Эти рассуждения подтверждают тот факт, что особенностью современной техники является ее европейское происхождение и она носит отпечаток того общества в котором ее создали.

По-видимому, — в противоположность тому, что «бросается в глаза», — техника не создает совершенно новых проблем, а скорее отягчает уже существующие.[69] Такой вывод, по-видимому, является новостью только для нас, для нашего времени. Можно вспомнить свидетельство Плутарха, который в «Жизнеописании Марцелла» пишет, что Архимед, великий мудрец, который изобретал только под давлением военных обстоятельств, отказывался оставлять чертежи и рукописи изобретенных им военных машин в страхе, что они могут быть использованы не по назначению, т. е. с дурными намерениями.[70] Соответственно, Архимед не хотел, чтобы его творения пережили бы его самого, их творца: иначе вся возможная польза приносилась в жертву случаю.

Человеку современной культуры трудно представить, что кто-то мог добровольно отказываться от светлой мечты в счастливое будущее, которое сулит развитие техники. Даже среди некоторых серьезных знатоков античности распространено покровительственно-снисходительное отношение к античной культуре. Приверженцы прогресса верят, что античный дух был несовершенен, поскольку не мог творить современные чудеса техники. Он, так сказать, все только «зарождал»: философию, науку, технику, искусство и т. д.,

Однако если обратиться к авторам иного подхода к историческому развитию, то обнаруживается и другая концепция происхождения культуры и ее составляющих феноменов. Шпенглер, например, пишет о глубокой национальной сущности всего творческого и, развивая эту мысль, говорит о невозможности всеобщей науки, всеобщей философии, и, мы добавим, возможно, всеобщей техники. Развитию любого вида знания предшествует складывание и развитие языка —

---

[68] Там же. С.159.

[69] Рапп. Ф. Философия техники: обзор // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 52.

[70] Цит по: Mitcham C. Thinking through Technology: The Path between Engineering and Philosophy. Chicago, 1994. P.282.

творчество глубоко самобытное и национальное. Следовательно, историю развития науки, техники, философии корректнее рассматривать в рамках какой-то одной культуры как ее самобытное порождение. Даже современная техника, и нужно дополнить, что это порождение сугубо европейского духа, — вещь широко распространенная во всех уголках земного шара, — имеет разную судьбу и играет разную роль в рамках различных культур и государств, а в некоторых местах вообще теряет всякий смысл и значение.

Еще в начале века ушедшего было замечено, что внутри человеческого общества нет мощного стимула к техническому развитию, оно вообще очень консервативно по отношению к техническим новинкам. Для того, чтобы создать собственную автомобильную империю и выйти из кризиса перепроизводства Генри Форд сделал открытие: он стал искусственно создавать моду на автомобили, широко их рекламируя и значительно снизив на них цену. Тем самым он формировал стандарт жизненных требований среднего американца, включавший в себя потребность обзавестись легковым автомобилем, и, соответственно, обеспечивал процветание своей компании. Аналогично, — уже в наше время, — сложилась ситуация для информационных структур: для того, чтобы появилась зависимость общества от них, нужно было вначале эти структуры создать, а затем широко внедрить.

Таким образом, технофилософский аспект проблемы роли техники в культуре теснейшим образом связан с культурологическим подтекстом. Можно сказать, что одно не существует без другого. Более детальное рассмотрение функционирования и развития техники в рамках различных культур, а, следовательно, и более адекватное ее понимание представляется делом будущего. Работы в этом направлении, как нам кажется, существенно стимулировали бы развитие философии техники в целом.

Руководители: профессор С.Н.Иконникова, профессор Л.К.Круглова, секретарь — А.Е.Радеев

Юрков С.Е.

ЯЗЫКОВОЕ АНТИПОВЕДЕНИЕ В ЭПОХУ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Культурологические оппозиции средневековой Руси обусловили вынужденность субъекта к антиповедению в сфере языковой, где обнаруживается противостояние церковнославянского и повседневного языков.

По убеждению православного духовенства, язык церковнославянский — священный, спасительный, язык общения с Богом, поэтому ложь на нём невозможна.

В основании такого отношения к языку лежит понимание мира как божественной книги, т. е. текста, изначально заключающем в себе высшую истину (сама возможность вычитывания этой истины конституирует правила его чтения, «грамматика» здесь имеет производный, вторичный характер), задача языка в данном случае — сигнификативная, он существует как средство сохранения и закрепления божественного смысла. Следствием этого становится отождествление формы и содержания; отход от принятого обозначения (называния) равносилен отходу от истинного содержания. Таким образом, церковнославянский язык принимается как язык кодифицированный, единственно правильный, язык нормы. Любое его употребление вне сакрального контекста становится кощунством. Тот же результат получался в случае использования просторечного языка в условиях, требующих языка сакрального. Даже незначительное отклонение от нормы, например, изменение одного знака или слова в молитве превращало сакральный текст в свою противоположность, в анти-текст[1]. Оппозиция книжного (церковного) и бытового языков предстаёт как соотношение истинного и ложного форм поведения, как организованное целое, противостоящее хаосу и дезорганизации. В

---

[1] Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С.36.

отсутствии нейтральной семантической зоны, избежать греха, происходящего от смешения нормативного и ненормативного языков, оказывается невозможным, можно избежать лишь кощунственного поведения, т. е. если это смешение производится сознательно.

Точная и полная характеристика «перевёрнутого» языкового поведения применительно к культуре Западной Европы, приводится Бахтиным в книге о Рабле, она же вполне оказывается справедливой в отношении средневековой русской речевой культуры антимира: «Строить в этих речевых сферах серьёзное суждение, идеологическую мысль, полноценный художественный образ представляется невозможным, — не потому, что эти сферы обычно пестрят непристойностями (их может и не быть), но потому, что они представляются чем-то алогичным, кажутся нарушающими все дистанции между вещами, явлениями и ценностями, они сливают воедино то, что мысль привыкла строго расчленять и даже резко противопоставлять».[2] Этот же алогизм наблюдается и в русских пародийных текстах, скоморошеском балагурстве, которые не ограничиваются простым травестированием, но выстраивает словесные ряды, доходящие до открытого обессмысливания, он характерен и для разного рода «непристойностей», русской «площадной» речи, являющейся наиболее специфичным и свойственным антимиру языком.

В обширной области народной культуры, где, по преимуществу, творится смеховой (и несмеховой) антимир, существенный вес имеет обсценная (нецензурная) лексика, которая и по сей день очень характерна для русского языка, а для различных форм антиповедения обращение к ней становится практически неизбежным.

Подобную популярность экспрессивной фразеологии можно объяснить следующими причинами. Чем более жёсткой и настойчивой является интенция «нормативного» (книжного) языка к абсолютному и бескомпромиссному доминированию в речевой культуре, тем более велико стремление к ненормативному, запретному (кощунственному) языку. По мнению Ю.М.Лотмана «Литература, стремящаяся к строгой нормализации, нуждается в отверженной, неофициальной словесности и сама её создаёт».[3] Перед нами ещё одно следствие бинарности культурной структуры русского средневековья.

---

[2] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С.465.

[3] Цит. по Живов В. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII - начала XIX века // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н.Богомолов. М., 1996. С.216.

Нецензурные слова и выражения представляют собой самый простой и удобный приём травестирования смысла. Исследователь русской народной пародии XIX века П.В.Шейн приводит пример с пародированием народных песен, когда оказывалось достаточным добавление нескольких или даже одного бранного слова, при сохранении неизменным исходного текста, чтобы вся структура получила «перевёрнутый», смеховой характер.[4] В этом одна из причин востребованности обсценной лексики антимиром.

Самое же главное, что объясняет столь широкое использование нецензурных выражений, в частности, в антиповедении, — их особая табуированность, выход за границы которой напрямую отсылает говорящего в область антимира, позволяет откровенно маркировать речь даже при отсутствии каких-либо других специфических признаков её принадлежности к нему. Помимо способности снижения, травестийного «перевёртывания», что может быть достигнуто и при посредстве слов обычного языка, дополнительная семантическая ценность подобных выражений в их особом статусе «нарушителя норм».

Если для народного сознания нецензурная брань и православная молитва могли выступать в качестве альтернативных и равнозначных способов борьбы с «нечистой силой», то с точки зрения официальной, православной культуры употребление в этих случаях обсценных выражений безусловно рассматривалось как «анти-молитва», как черта «перевёрнутого», в отношении к предписанному, поведения. Впрочем, в ситуации православно-языческого двоеверия любое использование нецензурной лексики, в особенности если оно включалось в формы народного увеселения, квалифицировалось как «бесовство» и служило поводом многочисленных запретительных статей и рескриптов со стороны как церковной, так и светской власти.

Сложившийся статус площадной речи как «нарушителя нормы» объясняет её востребованность антимиром, поскольку обращение к ней представляет наиболее простой способ его маркирования в качестве такового. «Привязка» обсценных выражений к телесности, физиологии значительно упрощает задачу переведения «высокого» смысла, серьёзности в материально-телесный план. Они ориентированы не только на материализацию любого явления, что укладывается в общие принципы построения антимира, но также и на всяческое акцентиро-

---

[4] Шейн П.В. Ещё о пародии в народных песнях // Этнографическое обозрение М., 1895. Кн.XXV. С.144-145.

вание физиологической жизни тела, его естественных отправлений, а в перспективе — на изображение любого события как непрерывного полового акта.[5]

Резкая противоположность нецензурного языка языку нормативному выступает источником особого смыслового напряжения, порождаемого контрастирующим перепадом оппозиционных стилистических уровней. Нецензурное слово не может быть семантически незначимо, нейтрально. Это также одна из причин его частого включения в смеховой контекст, в результате его эксплуатации эффект комизма резко интенсифицируется. Напряжённость текста, содержащего в себе ненормативную лексику обеспечивается и вышеупомянутой неконвенциональностью бранной речи, не допускающей её нейтрализацию никаким контекстом.

Кроме семантического, можно говорить и об эмоционально-психи-ческом напряжении, сопровождающем нецензурное языковое поведение. В народных духовных стихах весьма ощутимо просвечивает страх употребления подобного рода выражений. Согласно ряду стихов, матерное слово способно вызвать потрясение земли (т. е. землетрясение), а поскольку «мать-земля» отождествляется с Богородицей, то его разрушительное воздействие переносится и на саму Богородицу. Таким образом, использование обсценной лексики приобретает эсхатологический характер, приближающем наступление конца света и Страшный Суд. Трудно представить, чтобы страх столь ужасающих последствий, к чему добавляется также суровейшее церковное осуждение, грозящее за площадную брань яркими картинами адских мучений, не мог бы не присутствовать в народном сознании. Можно предположить, что активное её употребление имело нарочитый характер, т. е. помимо прочих причин, являлось средством внутреннего преодоления страха, поскольку вступление в область запретного означает предварительную победу страха перед ним.

Наконец, самое главное, что необходимо учесть для понимания роли нецензурных выражений в деле конструирования гротескных лексических форм антимиром, — их способность к абсурдизации. С одной стороны, нецензурное слово может выступать само по себе семантически «пустым», бессмысленным, его значение приобретается из контекста, и что, как правило, сопровождается его морфологической деформацией. Речь загромождается рядом «пустых» слов, основ-

[5] Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 12. С.70.

ная цель которых — маркирование антиповедения. С другой стороны, самостоятельное значение слова может быть сохранено, но оно используется для построения семантического ряда, близкого к абсурду (например, отсутствие или функционирование половых органов, ведущих «самостоятельную» жизнь).

Итак, своеобразие русского языкового поведения во многом определяется присущим отечественной средневековой культуре дуализмом, противостоянием двух полюсов: официального, церковного, ориентирующегося на духовность, серьёзность, и оппозиционного ему полюса народной культуры, выступающего как воплощение хаоса в противоположность высшей организованности. Основные формы языкового антиповедения находят своё проявление в пародировании (пародии также создавались и в сфере официальной культуры), балагурстве, скоморошестве, ярмарочных увеселениях, народных обрядах (имеющих языческое происхождение), ритуалах. Народная культура – это, по преимуществу, культура «антимира», конституированного резким разграничением нормативности (организации) официальной культуры и отторгаемой ею «дезорганизацией» фольклора. Принципом построения антимира выступает абсурд, являющийся для культурного сознания того времени не атрибутом мировоззрения, а способом выхода за «норму» (или вынужденного пребывания за её пределами), противодействием организованному миру, разрушение фиксированной нормативности которого и включается в основание пародирования и более самостоятельных видов народного смеха.

Н.Н.Фомина
доцент, к.и.н., зав кафедрой культурологии
Санкт-Петербургского института точной механики
и оптики (Технического университета)

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ РОЛЬ КУЛЬТУРОЛОГИИ

За годы существования культурологии в качестве учебной дисциплины в значительной мере определились содержание, состав и категориальный аппарат культурологического знания, методологические основания его изучения. В то же время и сейчас достаточно острым остается вопрос о приоритетах. Должны ли в программе дисциплины «культурология» преобладать теоретические проблемы — философия

культуры или историко-культурные; какое место уделить искусствове-
дению или религиоведению. Эти дискуссии на научном и методичес-
ком уровне продолжаются и по сей день. Однако их разрешению ме-
шают, как нам представляется, два обстоятельства: 1 — некоторая не-
внятность государственного образовательного стандарта по дисципли-
не культурология, на основе которого можно создать самые разнооб-
разные программы и 2 — условия бытования культурологии в конк-
ретных вузах. Особенно большие различия между вузами гуманитар-
ного и технического профиля. В технических вузах культурология —
как правило, единственная дисциплина предоставляющая студентам
возможность познакомиться и с теоретическими аспектами культуры
и культурой, религией, искусством различных исторических периодов
и регионов. Это обстоятельство в условиях сокращения учебных ча-
сов на культурологию как, впрочем, и на ряд других гуманитарных
дисциплин заставляет очень внимательно относиться и к определению
содержания дисциплины и технологии учебного процесса. Все должно
строиться на принципах целесообразности, экономичности, акценти-
ровании на наиболее интересных и привлекательных сюжетах курса,
максимального учета особенностей конкретного учебного заведения.
Рассмотрим технологию учебного процесса на примере кафедры куль-
турологии Санкт-Петербургского института точной механики и опти-
ки (технического университета). Культурология в СПбГИТМО (ТУ)
изучается студентами дневного отделения на втором курсе в третьем
семестре и организована следующей образом: базовый лекционный
курс (34 часа) и авторские лекционно-практические занятия в группах
(17 часов).

Чтение лекционного (базового) курса для всех студентов вуза
обеспечивается преподавательским составом кафедры и читается по
блокам — модулям. Каждый модуль закреплен за конкретным препода-
вателем в соответствии с его профессиональными и научными инте-
ресами. Содержание лекций соответствует программе курса, разрабо-
танного кафедрой в соответствии с требованиями государственного
образовательного стандарта по дисциплине, и отображено в тестовых
заданиях и вопросах.

Контроль над усвоением лекционного (базового) курса осуще-
ствляется преподавателем — руководителем авторского курса на ос-
нове данных о прохождении студентом трех рубежных компьютер-
ных аттестующих тестов в Центре дистанционного обучения (ЦДО)
университета на основе Internet-технологии. Студенты проходят фрон-
тальное тестирование за пределами аудиторных занятий в рамках ча-

сов, выделяемых на самостоятельную работу над курсом. Подобная система контроля усвоения студентами проблем вопросов теории и истории культуры позволяет преподавателям кафедры уделить больше времени и внимания творческой стороне работы, передав ее рутинную сторону, закрепление и проверку освоения студентами формализованных элементов курса — компьютерной технике.

Вторая часть курса представлена лекционно-практическими авторскими курсами. Их тематика разнообразна: «Религия в контексте культуры» (доц. О.С.Борисов), «Поведенческая культура современного человека» (доц. Свечникова Н.О.), Западноевропейская культура XX века: становление и развитие» (доц. Толстикова И.И.), «Русская художественная культура. XVIII — нач. XX века. Архитектура Петербурга» (доц. Филичева Н.В.), «Повседневная и праздничная культура России» (доц. Фомина Н.Н.) и др.

Изучение материала авторского курса происходит в процессе непосредственного контакта преподавателя со студентами. Для этого используются все известные формы работы: выступления и доклады на семинарских занятиях, участие в дискуссиях, подготовка и проведение студентами экскурсии в музеях, выполнение письменной и электронных вариантов творческой работы — написание реферата, создание сайта или CD, текста экскурсии, участие в разработке учебных пособий по курсу, электронные варианты и т. д. Тематика и содержание авторских курсов постоянно совершенствуются с учетом интересов студентов и преподавателей.

Аттестационные тесты для рубежного контроля знаний студентов разработаны коллективом кафедры на основе оригинальных методик и прошли неоднократную апробацию в учебном процессе.

В целом данная технология учебного процесса удовлетворяет различные требования: — соотношение при чтении курса обязательной составляющей, общей для всех (базовый курс) и элективных курсов, отражающих разные стороны культурологического знания; — преподаватели имеют возможность совершенствоваться в определенных областях науки, создавая по курируемым разделам курса все элементы учебно-методического комплекса — от текста лекции до разработки тестовых заданий для компьютерных аттестующих тестов и обучающих программ, которые в своей совокупности могут составить электронный учебник;

- преподавание ведется на достаточно высоком уровне технического оснащения, что соответствует современному — информационному уровню развития культуры; — достигается и еще одна цель —

в условиях сокращения аудиторных часов и увеличения объема самостоятельной работы повышается интенсивность учебного процесса; — внедрение в учебный процесс компьютерного тестирования как формы аттестации знаний заставляет студентов работать над курсом систематически; — компьютерная аттестация позволяют в условиях постоянного роста численности обучаемых контролировать в течение семестра работу каждого студента.

Наши разработки в области создания электронных средств сопровождения, поддержки и контроля обучения поднимают престиж кафедры и читаемых преподавателями дисциплин, как среди студентов, так и среди коллег и руководства университета. А в целом, подобная технология позволяет решать все учебно-методические задачи достаточно успешно.

Адаптация информационных сред к гуманитарному знанию, в частности, культурологическому является результатом многолетней работы по созданию соответствующих оригинальных методик и научных исследований в области структурирования и формализации культурологического знания.

Положение аналогичных кафедр в технических вузах усложняется тем, что к ним предъявляются повышенные ожидания в области прикладной культурологии. Отдельные направления реализуются, в частности, путем организации занятий со студентами в учреждениях культуры, выработки некоторых навыков культурно-просветительной деятельности (экскурсий и т. п.), создания творческих работ. Особый вопрос — поведенческая культура. Интерес к современному светскому и деловому этикету в последнее время постоянно возрастает, о чем свидетельствует разнообразие и количество выпускаемой литературы, которая очень быстро исчезает с книжных прилавков. Поэтому чтение курсов делового и светского этикета, которые преподаватели кафедры читают с 1997 года, а также новой дисциплины — «Основ этики и этикета» также можно отнести к прикладной культурологии.

К прикладным аспектам культурологии относятся и разработка культурных программ, и выработка рекомендаций по формированию корпоративной культуры вуза, и требования к модели культурного облика студента. Возможно, именно культурологи и могли бы профессионально выполнить подобные задачи, но либо руководство вузов не ангажируют их в этом качестве, либо не готово должным образом финансировать данную работу.

Отметим еще один аспект, который можно рассматривать как проявление прикладной культурологии. Современная социально- эко-

номическая ситуация в России настоятельно требует перехода от технократического к инновационному управлению во всех областях развития страны. В этой связи повышается интерес к культуре. Она все больше приобретает организующий, объединяющий характер, возрастает ее роль как фактора стабильности, надежности, защищенности как общества в целом, так и его отдельных групп и представителей. Важным инструментом в реализации этой роли культуры является корпоративная культура. Понятие организационная или корпоративная культура являются одним из базовых понятий в менеджменте. Наряду с зарубежными исследованиями (Э.Шейн, М.Х.Мескон, В.Сате), расширяется круг отечественных специалистов по данной проблеме (В.А.Спивак и др.). Отмечается, что важным моментом в формировании корпоративной культуры организации (фирмы) является выработка ее философии, которая выражается в определенных мировоззренческих позициях, в центре которых система ценностей и норм, разделяемых всеми или большинством работников. Создание эффективной модели корпоративной культуры должно опираться на культурологический подход, так как в ее основе лежат познания в области социальной культурологии, этики, психологии, этикета и т. п.; ценностей национальной и региональной культуры, традиций и обычаев и, конечно, готовности к культурному диалогу. Представляется, что данное направление прикладной культурологии не останется в стороне от теоретической и практической деятельности культурологов.

Подводя итог, следует отметить, что культурология развивающаяся наука и учебная дисциплина и ее устойчивость и востребованность в значительной степени зависит от умения правильно определить соотношение теоретического, историко-культурного и прикладного знания, творчески использовать современные методики преподавания для повышения ее влияния на реальную культурную ситуацию.

И последнее. К сожалению, в программах курса культурологии не всегда уделяется достаточное внимание культуре России. Представляется, что знание отечественной культуры, пробуждение интереса к ней чрезвычайно важно, ибо наши студенты — это носители русской культурной традиции.

Станиславова И.Л.
доцент СПбГПМА

КУЛЬТУРА СЕМЬИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Семья — это сложная социальная система, где все части взаимодействуют друг с другом. Основанная на отношениях супружества и отношениях между родителями и детьми, она представляет собой среду жизни и развития детей, качество которой определяется рядом параметров конкретной семьи. К данным параметрам могут быть отнесены:

- социально-культурный — зависит от интеллектуально-духовного уровня развития родителей и их участия в общественной жизни;
- социально-экономический — определяется имущественными характеристиками и занятостью родителей на работе;
- социально-гигиенический — зависит от особенностей образа жизни, условий проживания;
- демографический — определяется структурой семьи.

Данные параметры семьи во многом обусловливают личностный путь ребенка. Однако влияние семьи не программируемо, так как оно является отражением общественной психологии, обыденного сознания конкретных этногеографических, профессионально-культурных и социально-психологических групп и слоев населения, преломленных характеристиками той или иной семьи.

Природа и общество возложили на семью благороднейшее и ответственнейшее дело — искусство воспитания детей. И.Кант по этому поводу однажды отметил, что «воспитание есть величайшая и труднейшая задача, которая может быть поставлена человеку».

В воспитании ребенка еще недостаточно правильно организовать необходимые условия для нормальной адаптации к той социальной среде, в которой он находится. Самое главное — это духовно побудить ребенка и указать ему силы в его собственной душе, воспитать духовную личность. Это очень сложная работа ума, сердца и души родителей.

Человек начинает свою жизнь в такой семье, которую он сам не создавал, а вошел в нее своим рождением еще задолго до того, как ему удалось осознать самого себя и окружающий его социальный мир.

Ребенок получает семью как некий дар, ему не приходится ее выбирать. Его родители как бы создают для него судьбу, которую ему остается принять и нести всю свою жизнь.

Родительская любовь — великая сила. Она может воспитать духовно прекрасного человека, она же может и погубить его. И нередко это происходит не по злой воле, а по беспечности, незнанию и неумению. Для того, чтобы это великое чувство творило духовно здоровых людей, родителям надо учиться владеть этим чувством и уметь им пользоваться.

Природа наделила человека родительским инстинктом, но не дала ему умения правильно владеть чувством любви по отношению к детям и правильно проявлять его. Этому чувству родителям надо учиться так же, как и искусству воспитания. И от этого любовь не перестает быть душевным переживанием, не становится порождением холодной и расчетливой мысли. Она тогда только и приобретает черты разумного существа, возвышающего человека над животным.

В сущности искусство любви есть искусство воспитания, потому что нет ни одного проявления любви, которое не воспитывало бы, как не может быть правильного воспитания без разумной и умелой любви. Можно с уверенностью сказать, что если родители научили ребенка любить, то они научили его всему.

Любовь к ребенку является и исходным пунктом, и результатом всех отношений родителей к детям, в том числе и воспитания. К тому же и любовь, и воспитание в конечном счете принимают форму поведения и проявляются в нем. А поведение требует, чтобы его организовывали, не распускали, не отдавали на волю стихии. Практика подтверждает, что грубые средства воздействия, лишенные нежности, ласки, доброты, только травмируют психику ребенка и не дают желаемого воспитательного эффекта.

В вопросах воспитания большое значение имеет правильное понимание родителями роли духовного развития ребенка.

С давних времен о личности судят по следующим основным граням — по уму, мудрости, пониманию жизни; по прилежанию, овладению практическими навыками и умениями; по силе и здоровью; по доброте, нравственности, степени гуманности; по красоте, развитости вкуса, эстетических чувств.

Прилежный, мудрый, добрый, красивый — в этих качественных определениях заключена наиболее полная характеристика духовности человека. И чем ярче пытаются родители развить эти качества, тем духовно богаче становится личность.

Задачу духовности личности выполняет прежде всего нравственность, не позволяющая ни силе, ни мудрости, ни практицизму, ни красоте обратиться против человека. Фундамент нравственности зало-

жен в человечности и доброте. Шарль Фурье, размышляя о духовном воспитании, отмечал, что общество будущего станет обществом «социального очарования», подразумевая под этим такой тип взаимоотношений, благодаря которым все будут «очарованы» добрыми намерениями и поступками людей. Конечно, наше сегодняшнее общество довольно далеко от того прообраза, созданного великим французским утопистом, однако, воспитывая доброту, родители должны помнить, что ребенок, испытавший на себе добросердечие других, сам становится лучше, отзывчивей к чужому горю, чужой беде.

Однажды американский писатель Торнтон Уайлдер отметил, что семейная жизнь подобна зале с превосходной акустикой, в которой подрастающие дети не только слышат слова, но и различают мысли и намерения, скрывающиеся за этими словами, однако самое главное — они узнают, что их родители действительно любят, а что действительно презирают. Поэтому помимо сознательного, целенаправленного воспитания, которое дают ребенку родители, на него воздействует духовно-эмоциональный фон взаимоотношений старших, вся внутрисемейная атмосфера, причем эффект этого воздействия накапливается с возрастом, преломляясь в структуре личности.

Анализируя степень воздействия семейной обстановки на развитие духовности ребенка, нельзя не заметить тех серьезных изменений, которые переживает современная семья. Она существенно отличается от семьи прошлых времен не только иной экономической функцией, но и коренным изменением эмоционально-психических функций.

Эмоциональная привязанность родителей и детей друг к другу является сравнительно недавним приобретением человечества. Отношения между родителями и детьми в течение последних десятилетий значительно меняются, становясь все более эмоционально-психологическими, то есть определяемыми глубиной их привязанности друг к другу. Это объясняется тем, что для все большего числа родителей именно дети являются одной из главных ценностей жизни.

Другой не менее важной особенностью современной семьи становится своего рода ломка привычных ее позиций, что не может не сказаться на формировании личности ребенка. Отец, как правило, перестает быть ее экономической главой, современный быт лишает его большинства мужских домашних обязанностей и выдвигает на первый план мать. Кроме того, авторитет родительской власти сегодня часто не срабатывает — на смену ему приходит авторитет личности родителей.

Основным принципом родителей должно стать воспитание счастливого ребенка. В вопросах формирования личности большое значение имеет понимание ребенком счастья. Он должен знать, что счастье не есть состояние постоянного безоблачного спокойствия духа, не есть непрерывно радостная праздничность, вечно длящееся наслаждение. Счастье обязательно подразумевает самые разнообразные стороны жизни: труд, волнения, тревоги, заботы.

Главное — родители призваны воспитывать у ребенка сознание того, что все способности и дарования он должен направлять во имя блага человека. Если ребенок осознает это, значит воспитание в семье находится на должном уровне.

И самое главное — воспитать ребенка счастливым и прекрасным, сильным и мудрым, прилежным и добрым может только духовно здоровая семья.

Соловьева Г.В.
доцент СПбГПМА

К АНАЛИЗУ «МАРГИНАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: МОДЕРНИЗМ

Вот уже два века русское национальное самосознание пытается найти ответ на вопрос о смысле и судьбах своей культуры. К началу XX века культурологическая мысль становится едва ли не приоритетным направлением философского дискурса. Накануне ощущаемых всеми грядущих грандиозных перемен, многим хотелось угадать направление культурных сдвигов, хотелось лично поучаствовать в историческом процессе словом и делом. Оценка персонального вклада каждого из участников — дело ближайшего будущего, хотя многочисленные белые пятна на карте истории XX века существенно затрудняют этот процесс.

Общеизвестно, что модернизм в России конца XIX — начала XX вв. не был главным и всепоглощающим умонастроением. Напротив, он напоминает субкультуру не слишком многочисленной социальной группы — части творческой интеллигенции — или одно из «маргинальных полей» на теле базовой культуры. Как любая субкультура, модернизм в основном идентичен или достаточно близок базовой культуре и отличается от нее лишь одной-двумя чертами.

В России до известных событий XX в. базовой культурной системой, определявшей структуру и иерархию ценностей, формы и нормы социальной организации и регуляции, было христианство в форме православия. В рамках этой исторически сложившейся многоуровневой и полифункциональной культурной системы модернизм представляется в значительной степени энтропийным элементом социокультурной деструкции, элементом размывания функциональной целостности и сбалансированности сложившейся доминантной культурной системы. Как сложное и противоречивое культурное явление модернизм не может иметь однозначной оценки и, разумеется, модернизм не единственный деструктивный элемент этой культуры: к началу XX в. зона влияния «маргинальных полей» культуры значительно расширилась.

Уровень специфичности субкультур по отношению к основной национальной культуре уникален в каждом конкретном случае так же, как и тенденция сближения или еще большего размежевания с базовой культурой. Что касается отношений базовой культуры с модернизмом, то здесь очевидна тенденция размежевания в составе мощного западнического идейного течения.

Конфессиональный фактор является главным культурообразующим фактором для России, создавшим определенный тип социальной солидарности. С религией связано появление русского народа, развитие его в нацию, появление государственности, языка и письменности, социальное устройство, психология народа и основной социальный слой страны — крестьяне (христиане), характер взаимоотношений с соседними народами и многое другое, что традиционно определяет тип культуры в целом.

Конфессиональный тип культуры — один из наиболее специфических типов культуры, в основе которого лежит определенная религия и весь набор ее мировоззренческих и социальных установок. Целью конфессиональной культуры является приобщение к высшим духовным ценностям и осуществление избранных ценностных ориентиров в повседневной жизни человека на всех уровнях. В христианском понимании культура является частью религии. Их отношения иерархичны: религия относится к области духа, а культура к области души человека. Душа подчинена духу, а культура религии.

В модернизме культура и религия меняются местами, религия понимается как одна из форм культуры. Модернисты мечтали о самодовлеющей культуре, культуре ради культуры. Она должна интенсивно развиваться во всех своих формах. Уровень религиозности тоже

может и должен возрастать, что находилось в полном согласии с общепрогресистскими установкам эпохи. В этой связи ревизия православия в духе протестантизма представлялась прогрессивным шагом в развитии культуры. С этим во многом связан период религиозных исканий модернистов.

Русский модернизм (духовный, культурный, религиозный, философский Ренессанс) — явление вторичное по отношению к эпохе европейского гуманизма, французского рационализма и «личной веры» Реформации, даже третичное — так как возник как подражание возникшему ранее на Западе одноименному течению в художественной культуре.

Со временем русский модернизм преодолевает рамки художественного стиля, неслучайно обретает философские формы в виде философии культуры преимущественно, и активно, если не сказать агрессивно, манифестирует себя в качестве инструмента перестройки, модернизации традиционной культуры. Своего рода революция духовной сферы в дополнение к социально-политическим революционным движениям своего времени.

Человек не способен существовать иначе как носитель той или иной культуры. Система культуры до мельчайших деталей определяется лежащим в ее основе мировоззрением. Как это не раз доказывали историки и философы культуры, характер этого мировоззрения в подавляющем большинстве случаев определяется господствующей в данной культуре религией. Религия — связь, определяющая характер всякой культуры. Парадоксально, что даже форма характерного для данной культуры атеизма целиком отражает структуру исходной религии (как сходство негатива и позитива в фотографии). Есть только один способ изменить культуру — выйти из связи своей религии и войти в связь религии иной. Это понимали и этим целенаправленно занимались многие наши модернисты. Традиционная религия их явно не устраивала, она была главной помехой новому мировоззрению и новой культуре. Новизна предлагаемых ими путей развития традиционной культуры сомнительна, это манихейская и языческая «новизна», к которой с удивительным упорством стремилась вся европейская культура со времен Ренессанса.

Дух русского модернизма в общем можно определить как протестантский (обрядность традиционной религии их не устраивала, хотели ее упростить, строгие нравственные установки сделать помягче, догматы творчески развить и т. п.), что также делает правомерным сравнение религиозных исканий модернизма с сектантством.

Дореволюционная традиционная русская культура носила на себе отпечаток классичности во всем. Классический тип культуры обычно признает единую систему ценностей. Модернизм, напротив, как писал об этом О.Шпенглер, признает множественность систем ценностей. Эта множественность основана на свободе и автономии личности, являющейся законодательницей своих собственных ценностей. Отсюда модернизм — не упорядочивает мир, а наоборот, дробит его на множество не связанных между собой частей, субъективных миров, то есть служит не консолидации социальной, которая является одной из целей культуры, а наоборот. Не значит ли это, что цель модернистических устремлений антикультурна по существу?

Рыбчак А.В.
аспирант кафедры
философии Науки и Техники

ДАНИЕЛ БЕЛЛ О РОЛИ ТЕХНОКРАТИИ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ РАЗВИТОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Понимая под глобальными процессами те, которые охватывают одновременно множество разнородных культур и народов, следует отметить, что подобные тенденции были присущи практически всем временам — периодам и эпохам — обитания человека на Земле, однако, принципиально новый уровень глобальные процессы вышли в эпоху индустриализма: однако, приняв условное разделение этой эпохи на два периода — раннего индустриализма и развитого индустриального общества, — очевидно, на сколько различны в эти периоды оценки глобализационных процессов. Если на первом этапе любая глобальность — будь то в области культуры, экономики или информационных технологий — считалась прорывом сквозь национальную зашоренность, то для второго этапа свойственно если не разочарование, то определённая настороженность к данным процессам. Таким образом, на ранней стадии индустриализма глобализация рассматривается как достижение, в то время как в развитом индустриальном обществе глобализация — впервые становится проблемой; такое «проблемное» к ней отношение перешло и в общество постин-

дустриальное. Поэтому, говоря о глобализации, я здесь и далее буду понимать под ней актуальную проблему развитого индустриального и постиндустриального общества.

Несомненно сегодня мы наблюдаем смену больших эпох, смену парадигм: это легко уловить не только обыденным сознанием через структуры повседневности, но и простым аналитическим методом – от следствий к причинам. Налицо два взаимодействующих процесса: процесс глобализации и процесс национализации, суверенизации, отчуждения. Подходит ли к своему трагическому апогею «глобально-всеобщая» парадигма, или же идет процесс ее смены парадигмой «национальной» – вот самый главный и, вместе с тем, самый спорный вопрос данного дискурса. Все высказывания, относящиеся к дискурсу «глобализация-национализация», можно условно разделить на две группы: первая, «историческая» (термин мой – А.Р.), – прослеживает историю данного вопроса; вторая, «идеологическая» (термин мой – А.Р.), – определяет оценочную позицию каждого конкретного автора по отношению к каждому из этих двух многогранных явлений (глобализация, национализация), наличествующих в современности. Разумеется, в чистом виде данные позиции встречаются очень редко: практически всегда в любой точке зрения по данному вопросу можно вычленить как оценочную позицию, так и вытекающую из нее авторскую концепцию эволюции этого дискурса.

Как видно, глобализация в развитом индустриальном и постиндустриальном обществах неразрывно сопряжена с процессами «научной» технизации (то есть с научно-техническим прогрессом – НТП) человека и общества – это отмечается практически у всех рассматриваемых мной персоналий, но с той разницей, что одни мыслители считают глобализацию причиной тотальных техногенных процессов, другие же относят ее к следствиям последних. Однако, при кажущейся провести разделение также и на основании критического или апологетического подхода того или иного философа к современным глобальным и техногенным вопросам, видно, что даже у самых скептически и критически настроенных авторов мы не найдём критики НТП как такового или принципиального недовольства трансформацией развитого индустриального общества в общество постиндустриальное. Поэтому говорить о критическом подходе к модели постиндустриального общества можно только условно.

Белл утверждает, что опасность в будущем – то есть в постиндустриальном обществе – исходит не от техно-логии, а от техно-кратии, что, строго говоря, существенно. Замечу, что О.Шпенглер в своей

работе «Человек и техника», по сути, придерживался практически того же взгляда: начало эсхатологической эпохи он относит к 5 тысячелетию до н.э., когда, согласно его точке зрения, техника трансформировалась, переросла в технологию, но все же решающее значение в этом процессе трансформации — а самое главное в процессе дальнейшего развития этих технологий и области их применения — сыграл класс вождей-руководителей, или, говоря языком Даниела Белла, технократов, которых Шпенглер противопоставляет подчиненным-производителям, исполнителям (к вождям и рабам, подчиненным и подчиняющим Шпенглер относит не только отдельных людей, но и целые народы. Например, оседлые землепашцы-производители и руководящие ими кочевники-завоеватели). Так что Шпенглер, как и Белл, также, в итоге, возлагает вину за общемировой комплексный кризис на прослойку ненасытно-властолюбивых управленцев-технократов; хотя, строго говоря, Шпенглер ни на кого не возлагает эту вину, ибо считает это вершением судьбы, и даже — более того — считает это прекрасным, патетичным и величественным. Вообще-то, тому, как технократия связана с политикой у Даниэла Белла в «Грядущем постиндустриальном обществе» посвящена целая глава, но в ней он всего лишь, совершая исторический экскурс, отслеживает становление постиндустриального общества, даже не пытаясь рассмотреть сформировавшуюся в его рамках идеологию. В этой части теории Белла, на мой взгляд, наличествует некоторая непроработанность: ведь вся стратегия новой постиндустриальной парадигмы базируется уже хотя бы на одном факте формирования идеологии технологии как таковой. С одной стороны, это говорит о том, что технэ, техно-логос имеет такую сущность, в соответствии с которой он может осуществлять свою волю к власти, постепенно разворачиваясь и оформляясь в истории, проходя стадии своего становления. С другой стороны, если говорить уже непосредственно о самой этой идеологии, то она совершила грандиозную онтологическую (а значит и социальную, политическую, экономическую, идеологическую, ментальную) революцию, которая, собственно, и «привела к власти» новую парадигму. Сущность, значение и история этой революции таковы: до этого идеология, так или иначе, была национальной; нации вырабатывали свои местные, региональные, национальные идеологии, которые потом сталкивались внешнеполитическим образом, что приводило к региональным и мировым войнам (в этом смысле, Великая Отечественная война является для нас самым ярким и близким, и, скорее всего, последним примером: в жестокой и непримиримой войне столкнулись две овеществленные идеологии; при

этом это была война именно двух национальных идеологий: доказать это очень просто — идеи всегда иррациональны; а если посмотреть на довоенные Советскую Россию и Фашистскую Германию, то как были осуществлены две эти идеологии на государственном уровне, то без труда можно увидеть уникальный исторический момент, когда два государства по несколько десятилетий просуществовали в абсолютно иррациональном режиме, что породило массу бытовых курьезов и парадоксов государственной жизни и быта этих стран того времени — эти парадоксы и курьезы, вызванные перестройкой жизни всего государства под одну национальную идею можно без труда отыскать в любой науке, идеологии и образе жизни того времени этих двух государств). Но с конца 19 века по конец века 20 произошел следующий эволюционный процесс: технэ, в виде используемых технологий, прошло несколько стадий своего становления и, реализовав имманентную ей волю к власти, сформировала свою вне- и наднациональную тоталитарную идеологию, проведя, таким образом, разделительную черту не между нациями с их региональными идеологиями, а между Свободным и Порабощенным Разумом. Одним из результатов этой новой вненациональной технологической идеологии и парадигмы стали процессы глобализации: социально-экономической, политической, ментальной. Вот почему уже с середины 20 века противостояние двух идеологических полюсов было по своей сути фиктивным: социально-экономические стратегии СССР и США заимели слишком много общего; и там и там новая вненациональная идеология проходила стадии своего становления и обретала господство, просто временно разными путями. Но здесь Даниэл Белл лишь частично согласен — с Гербертом Маркузе: «Идеология в данном случае становится неуместной и на смену ей приходит экономика в виде производственных функций, расчета капитальных издержек, предельной эффективности капитала, линейного программирования и так далее. В этом смысле принципиальное различие между «буржуазной» и «социалистической» экономикой стирается; если кто-то интересуется вопросами оптимизации и максимизации, то здесь он вообще не найдет никаких различий».[6] Это «отсутствие различий» между системами СССР и США Белл — в отличие от Маркузе — относит только лишь к некоторым экономическим и производственно-организационным аспектам. Заодно мы увидим, что Маркузе был далеко не единственным, кто говорил о конвергенции

---

[6] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 100.

СССР и США как централизованных бюрократических обществ. «Так, много лет назад П.Сорокин и Ч.Райт Миллс пришли к выводу, что Советский Союз и Соединенные Штаты становятся «похожими» друг на друга, поскольку обе державы превращаются в централизованные бюрократические общества, подчиненные единой цели — подготовке к войне. Несколько иным образом Я.Тинберген и его коллеги утверждали, что в силу экономической рациональности и коммунистические, и капиталистические страны развиваются в направлении единой модели модифицированного планирования (прямого или индикативного), связанного с использованием рынков. ... Однако немногие общества как сложившиеся исторические и политические единицы могут быть определены исключительно исходя из единственного института, как это полагал К.Маркс. Общества отличаются друг от друга типом соотношения их политических систем с социальной структурой и культурой. В этом смысле возможно существование как социалистических, так и капиталистических постиндустриальных обществ, а Советский Союз и Соединенные Штаты, хотя и разделены осевым принципом собственности, являются индустриальными державами».[7] Здесь Белл спорит с такими левоориентированными мыслителями как К.Маркс и Г.Маркузе, которые по-разному, но все же классифицируют эпохи и страны по какому-то одному господствующему признаку. Ведь и Маркузе присоединился к тем мыслителям, которые ставят СССР и США в один ряд как «единство противоположностей» на основании бюрократизации и централизованной подчиненности промышленности военным целям. Белл же утверждает, что общество — слишком многомерное, многогранное, сложное устройство, которое непозволительно отождествлять с другим, подобным ему, на основании какого-либо одного лишь только аспекта. Поэтому он говорит, что СССР и США, как системы, естественно в некоторых аспектах совпадают, но отождествлять их (как это делает Маркузе) нельзя. Белл — противник теории конвергенции американской и советской систем периода холодной войны. «Кроме того, следует проводить различие между конвергенцией и интернационализацией. Возможна, например, интернационализация стиля, вследствие чего «современные» художники во Франции, в Англии, Японии и Мексике создают одинаковые по манере исполнения полотна. Возможна и интернационализация научных знаний и технических процессов, но общества как специфические исторические единицы представляют собой особые институализиро-

[7] Там же. С. 152-153.